

ноборчества и отшумели горячие споры по основным богословским вопросам, но не нужно себе представлять православный Восток полностью погруженным в оцепенение. Отголоски когда-то существовавших разногласий дают о себе знать и в искусстве.

В михайловском Причащении сохраняется традиционный торжественный характер сцены, ее символический смысл, подчеркивается важность обряда; Христос является здесь в облике первосвященника, ангелы — как диаконы. И вместе с тем благодаря изменению композиции в эту торжественную сцену входит больше человечности. Участники священнодействия ведут себя каждый соответственно своему характеру. Один только Павел благоговейно изогнулся перед Христом, другие апостолы более сдержанны, некоторые решаются вопросительно обернуться к стоящему рядом и вступить с ним в беседу. Это люди, которые размышляют о происходящем, стараются каждый по-своему его осмыслить, глубоко переживают соприкосновение с величайшим таинством.

В противоположность софийскому Причащению в михайловской мозаике передан вполне определенный момент, фигуры обретают свое место не только в пространстве мозаики, отгороженном алтарной преградой, но и в пространстве храма, в его алтарной части.

Для того чтобы оценить историческое значение расхождений между софийской и михайловской мозаиками, можно привести аналогии к этому из далекого прошлого. В основе софийской мозаики лежит восточный принцип рельефов Персепольского дворца с их бесконечными вереницами выстроенных в ряд обезличенных фигур царских данников и подданных. В михайловской мозаике побеждает гуманистический принцип, свойственный фризу Парфенона, с его более свободным ритмом, допускающим остановки, повороты фигур, цезуры между ними.

Можно также найти аналогию к софийской мозаике и к михайловской и в более поздней русской живописи. Фигуры апостолов в софийской мозаике — это не вполне живые фигуры, а скорее отвлеченные знаки; и в этом отношении мозаика в известной степени подобна псковской иконе «Троица», в которой ангелы как три лица божества поставлены один рядом с другим как три равнозначных знака.⁷ Наоборот, беседа между апостолами в михайловской мозаике, взаимодействие между ними, склонение голов как бы предвосхищают «Троицу» Рублева. Ангелы у Рублева не только присутствуют, не только высятся один рядом с другим, но и вступают в немую беседу друг с другом, что усиливает человеческое начало в изображении божественной трапезы. Что касается михайловской мозаики, то в ее стоящих и погруженных в беседу и размышление апостолах можно видеть нечто общее с «*sacra conversazione*» (священными беседами), которые впоследствии так любили мастера итальянского Возрождения.

Прибегая к сравнениям софийской и михайловской мозаики с античными или более поздними памятниками, мы не имеем в виду непосредственной связи между ними. Этими аналогиями только намечаются исторические координаты, позволяющие оценить принципиальное значение расхождений между двумя киевскими памятниками.

Большинству современных зрителей, конечно, больше по душе мастерство михайловских мастеров, чем софийских. Но если отвлечься от своих пристрастий, то нужно будет признать, что живописный язык софийской мозаики соответствует тому пониманию темы, которое руководило ее со-

⁷ В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации, т. 1. М., 1963, стр. 198.